

СРАВНИТЕЛЬНОЕ БОГОСЛОВИЕ

БОГОСЛОВИЕ ИКОНЫ ТРИДЕНТСКОГО СОБОРА КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ РЕФОРМАЦИИ

Василий Петрович Ващяев

магистр теологии

141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия

alairfess@mail.ru

Для цитирования: *Ващяев В. П.* Богословие иконы Тридентского Собора как ответ на вызовы Реформации // Вопросы богословия. 2023. № 2 (10). С. 41–52. DOI: 10.31802/PWG.2023.10.2.003

Аннотация

УДК 272

Статья посвящена рассмотрению деятельности Тридентского собора (1545–1563) в отношении богословия иконы, ставшего ответом Римско-католической Церкви на вызовы движения реформации. В области этого противостояния остается вопрос, насколько решения и постановления Тридентского собора оказались применимы и услышаны в европейском обществе, а также повлияли на расцвет религиозного искусства в XVII веке. Обзор исторического контекста и самих постановлений «О призывании, почитании и мощах святых, и о священных образах» позволяет сделать выводы об их контрреформационной направленности, оказавшей влияние на дальнейшее понимание западного богословия образа. Однако, это не смогло кардинально изменить вектор движения Запада «от иконы — к изображению».

Ключевые слова: Римско-католическая Церковь, Тридентский собор, богословие иконы.

The Theology of the Cathedral Icon as a Response to the Challenges of the Reformation

Vasily P. Vashchaev

MA in Theology

Academy, Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad, 141300, Russia

alairfess@mail.ru

For citation: Vashchaev, Vasily P. "The Theology of the Cathedral Icon as a Response to the Challenges of the Reformation". *Theological Questions*, no. 2 (10), 2023, pp. 41–52 (in Russian). DOI: 10.31802/PWG.2023.10.2.003

Abstract. The article is devoted to the activities of the Council of Trent (1545–1563) in relation to the theology of the icon, which became the answer of the Roman catholic Church to the challenges of the Reformation movement. In the realm of this confrontation, the question remains to what extent the decisions and decrees of the Council of Trident were applicable and heard in European society, and influenced the flourishing of religious art in the seventeenth century. A review of the historical context and the resolutions themselves «On the invocation, veneration and relics of saints, and on sacred images» allows us to draw conclusions about their counter-reformation orientation, which influenced the further understanding of Western theology of the image. Which, however, could not radically change the vector of the West's movement «from the icon to the image».

Keywords: Roman catholic Church, Council of Trent, Theology of the icon.

Прежде, чем обратиться непосредственно к богословию иконы, сформулированному на Тридентском соборе, который пытался ответить на многие вызовы Реформации, необходимо рассмотреть основные вехи становления богословия образа на латинском Западе. Богословие иконы и образа на Западе имеет давнюю историю. На протяжении всего своего существования оно находится в прямой зависимости от меняющегося религиозного сознания.

Первым вызовом, побудившим Православную Церковь выработать однозначную позицию в отношении икон и сакрального искусства в целом, стала позиция, отвергающая почитание священных изображений под предлогом борьбы с идолопоклонством. В VIII веке увеличение числа сторонников радикального неприятия сакрального искусства вызвало иконоборческий кризис, который продолжался на протяжении целого века (с 726 по 843 г.). Главный конфликт разных отношений к сакральному искусству происходил на Востоке, в отличие от Запада, больше сосредоточенном на мистических поисках природы образа. Латинская богословская традиция по большей части оставалась на позиции иконопочитания вплоть до VII Вселенского Собора, постановления которого были ею поддержаны. При этом для латинских богословов главным в восприятии иконы оставалось ее дидактическое значение¹.

В IX веке лидирующее положение заняла франкская школа со своим отношением к образу как к безжизненному, но полезному для украшения и напоминания о священном². В латинской традиции также существовало течение, основанное Клавдием Туринским с его полным неприятием изображений и креста, и Агобарда Лионского, признававшего только побуждающую функцию образа³.

Наличие подобных взглядов в лоне Католической Церкви привели к своеобразному итогу: к концу IX века на Западе тема образа постепенно становится все менее значимой, фокус внимания смещается к реликвиям, ходатайству святых и почитанию Креста. Касательно же изображений формулируется общая мысль об умеренности: иконы нельзя разрушать, их присутствие в храмах и домах возможно, но не с целью поклонения. Таким образом главными функциями образа становятся декоративная и дидактическо-педагогическая.

1 *Безансон А.* Запретный образ. Интеллектуальная история иконоборчества. М., 1999. С. 167.

2 *Стасюк В., свящ.* Карл Великий и Седьмой Вселенский Собор. Каролингские книги. М., 2012. С. 115.

3 *Копцев А. А.* Клавдий Туринский и Агобард Лионский в контексте иконоборчества // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. № 2. С. 46.

В дальнейшем попытки борьбы с изображениями не встречали значительной поддержки и происходили все реже. После IX века эти тенденции продолжили развитие, например, проявившись в деятельности Бернарда Клервоского. При этом необходимо заметить, что, во-первых, кампания аббата монастыря Клерво против икон была сосредоточена только на удалении храмовых изображений из цистерцианских обителей. Во-вторых, она проходила в мирной обстановке и преследовала собою цель преобразования монашеской жизни в соответствии с принципом бедности⁴.

Следующий период (разворачивавшийся на протяжении XII-го и XIII-го столетий) не характеризуется выведением темы образа «на передовую», но и не делает ее менее обсуждаемой. Наглядным примером этого выступал орден цистерцианцев, в котором произошло возвращение к аскетической традиции Римско-католической Церкви. Последователи этого религиозного течения склонялись к простоте и аскетизму в своем поклонении святыням, практиковали молитвенное созерцание и в целом были восприимчивы к символике сакрального образа⁵.

Другим «изводом», современным цистерцианству, но не связанным с ним органически, явилась секта вальденсов. Ее последователи прославляли простоту и скромность в своей религиозной практике, и, следовательно, в отношении к сакральному искусству. Они отвергли роскошь и пышность, предпочитая простые и функциональные изображения искусства, которые служили нравственному возрастанию человека в общине⁶. В то же время активную деятельность осуществляли последователи секты катаров, которые, исходя из своей дуалистической системы мировосприятия, отстаивали принципиальную «онтологическую неправильность» какого-либо поклонения любому тварному предмету, вещи, явлению⁷.

Наметившиеся в IX столетии тенденции преобладания темы реликвий, ходатайства святых и почитания Креста, уже в XIII и XIV вв. становятся ведущими. Трехмерные изображения образов в форме скульптуры, многочисленные вместилища для хранения останков святых, а также культ реликвий в целом становятся повсеместными для католической религиозности. Подобное положение вещей, при всей своей

4 *Воскобойников О.* Тысячелетнее царство: очерк христианской культуры Запада. М., 2014. С. 109.

5 *Безансон А.* Запретный образ. Интеллектуальная история иконоборчества. С. 168.

6 *Melia P.* The origin, persecutions and doctrines of the Waldenses. London, 1870. P. 120.

7 *Осокин Н. А.* История альбигойцев и их времени. М., 2000. С. 162.

традиционности, не содержало обстоятельного ответа формальному запрету первой заповеди на создание изображений, что наряду с откровенными примерами средневековых суеверий и магического мышления дало протестантским реформаторам XVI века множество оснований к апологии собственного движения⁸.

Следующий период: конец XIV — начало XV вв. вполне обоснованно называется пред-Реформационным, в связи с тем, что в это время одной из главных тенденций в богословии Римско-католической Церкви становится большой интерес к толкованию Священного Писания. Вторая тенденция заключалась в усилении личной религиозной практики и индивидуального отношения к Богу, что будет выражаться посредством популяризации литературных произведений мистической направленности⁹. В этот период по отношению к образу невозможно найти явных высказываний от лица Церкви, но они вполне ясно звучат в наследии «реформаторов до реформации», причем, как выступающих против (Ян Гус и Джон Виклиф), так и отстаивающих защитительную позицию богословия образа¹⁰.

В это же время на Апеннинском полуострове зарождается и начинает распространяться культура Возрождения¹¹. В эпоху Ренессанса именно она становится не только главным оратором относительно искусства в целом, но и оказывает влияние на богословие. «Вместо преобразования человеческого тела, утверждается культ плоти. Христианское учение об отношении Бога и человека направляется на ложный путь, подрывается христианская антропология»¹².

Стихийно пришедшее в XVI веке реформатское движение со своим основополагающим тезисом о главенстве Писания и отвержении роли Предания как фундамента христианского вероучения резко контрастировало с традиционным церковным учением о праведных делах, а также о заступничестве святых и их почитании. Многие реформаторы, особенно кальвинисты и различные пуританские секты, осуждали

8 *Denysenko N.* Icons and the Liturgy, East and West: History, Theology, and Culture. Paris, 2017. P. 39.

9 *Бэрд Ч.* Реформация XVI века в ее отношении к новому мышлению и знанию. СПб., 1897. С. 5.

10 *Копцев А. А.* Сравнительный анализ иконоборчества византийского и реформаторского (кальвинизм): дисс. на соискание ученой степени кандидата богословия. СПб., 2017. С. 121.

11 *Рыжов Ю. В.* Философия иконы в традиции Востока и Запада // [Электронный ресурс]. URL: http://www.binetti.ru/studia/ryzhov_2.shtml

12 *Успенский Л. А.* Богословие иконы Православной Церкви. Париж, 1989. С. 418.

создание образов как кощунственное, учитывая абсолютную трансцендентность Бога. Такое толкование противоречило официальному католическому учению о том, что воплощение Христа, сама видимость Слова, ставшего плотью, служила основанием для создания образов. Мартин Лютер (1483–1546) и некоторые из его последователей заняли более умеренную позицию. Они указывали на опасность идолопоклонства, присущую почитанию священных изображений — перенос поклонения Богу на материальные объекты¹³. Также осуждалась позднесредневековая практика «добрых дел», в рамках которой поклонение определенным предметам религиозного искусства являлось способом получить индульгенцию. Впрочем, сам Лютер допускал некоторое использование изображений и повествовательного искусства: «Многие вещи, такие как изображения и другие предметы, следует допустить ради младенцев, хотя поклонение им следует запретить остальным людям. Те, кто далеко зашел [по пути своего земного паломничества], должны мало ценить подобные вещи, обращая взоры к небу, ибо Христос может привести к их порогу нечто лучшее, чем вещи, которые можно найти в этом мире»¹⁴.

В том числе отец реформации допускал применение изображений в храмовом пространстве, так как они были необходимы для обоснования радикальной реформы католического вероучения. Акцент в картинах делался на библейских сюжетах, благодаря которыми обосновывалось установление двух таинств Лютеранской церкви: Крещения и Евхаристии. Следовательно, такая компромиссная позиция позволила Мартину Лютеру использовать религиозное искусство как инструмент пропаганды своей богословской позиции¹⁵.

Радикальную позицию в рамках реформатского движения выражали последователи Жана Кальвина (1509–1564). Их основатель считал, что создание изображений — это неправильное понимание природы Бога, а попытки изобразить Бога является оскорблением Его божественного величия¹⁶. Если Лютер признавал полезность религиозных изображений для детей и простого народа, то Кальвин категорично

13 *Kevin Seasoltz R.* A Sense of the Sacred: Theological Foundations of Christian Architecture and Art. N. Y., 2005. P. 162.

14 Cf.: *Luther M.* Werke: Kritische Gesamtausgabe. Weimar. 1883. Vol. 1. S. 271.

15 *Williamson B.* Christian Art: A Very Short Introduction. N. Y., 2004. P. 97.

16 *Пузырева К. А.* Отношение к иконопочитанию Жана Кальвина в «наставлении в христианской вере» // Проблемы истории и культуры средневекового общества. СПб., 2022. С. 209.

противопоставлял букву (Библию) и образ (иконы и религиозное искусство). По его мнению, только отрывки текста Библии могут украшать церкви. Если позиция Католической Церкви однозначно заключалась в том, что сакральные изображения являются книгой, рассказывающей верующим о Боге, то Кальвин резко противился такой позиции: «все попытки людей познать Бога с помощью изображений тщетны, более того — нечестивы»¹⁷. С его точки зрения христианство начало деградировать после появления в храмовом пространстве изображений: «достоинство тех, кто утвердил присутствие образов в храмах, во многом уступало достоинству тех, у кого не было образов»¹⁸.

Следующим важным этапом стало резкое повышение грамотности народов Европы, вызванное революцией Гутенберга. Благодаря технологии книгопечатания книги впервые в истории человечества стали доступны для широких масс, перестав быть маркером элитарных классов. Таким образом, доступность литературы на фоне набирающей силы культуры Возрождения легко приняла взгляд ученика Мартина Лютера — Альбрехта Дюрера. Он благожелательно заявил, что искусство греко-римской античности «снова было воплощено в жизнь итальянцами»¹⁹. Результатом стала смена парадигмы. Икона перестала быть сосудом, мистически заключающим в себе высшую святость. Она превратилась в картину, «окно», через которое зритель мог стать сопричастным восприятию реальности художником. Отныне аскетизм воспринимался ненужной, даже бессмысленной категорией. И если раньше образу приписывалась особая реальность, и он воспринимался как видимое проявление священно-сакрального, то теперь изображение было в первую очередь подчинено естественным законам природы, включая оптику, и полностью отнесено к сфере чувственного восприятия²⁰.

Таким образом, именно «реакцией», своеобразным ответом на сложившуюся проблематику стал Тридентский Собор, заключительным актом своей сессионной деятельности издавший постановление «О призывании, почитании и мощах святых, и о священных образах»²¹. Хотя

17 Кальвин Ж. Наставления в христианской вере. Кн. I–II / Пер. с фр. А. Д. Бакулова, введ. и коммент. Г. В. Вдовиной. М., 1997. С. 97.

18 Там же. С. 105.

19 Denysenko N. Icons and the Liturgy, East and West: History, Theology, and Culture. Paris, 2017. P. 39.

20 Belting H. Likeness and Presence: a History of the Image before the Era of Art. Chicago, 1994. P. 471.

21 Tanner N. P. Decrees of the Ecumenical Councils. Trent to Vatican II. Washington, 1990. Vol. 2. P. 774–776.

нельзя не отметить, что начавшись при Папе Павле III (1468–1549) и закончившись при Пии IV (1499–1565), его направление деятельности заключалось в более ясном изложении главных догматов христианства и их прямой связи с учением Святых Отцов и раннего христианства. Кроме того, первостепенной задачей являлась унификация и систематизация норм в отношении практических вопросов, введение основных определений и толкований (в основном касающихся евхаристии, литургии, символа веры и поклонения святым)²².

Благодаря широкому перечню доктринально-дисциплинарных вопросов²³, обсуждавшихся в Тренто, были задекларированы и главные положения богословия образа. Так, 25 сессия Собора, где участвовали более 250 епископов, непосредственно обсуждала вопрос почитания мощей и икон. Итогом ее работы стало прямое апеллирование к декретам II Никейского Собора, утверждавшего, что честь, воздаваемая образу, переходит на первообраз: «Нужно иметь и хранить, в частности, в церквях, образы <...> не потому, что мы верим, будто в них заключена Божественность или какая-либо добродетель, оправдывающая их культ <...> но потому, что почитание, воздаваемое им, восходит к первообразам, которые они представляют».²⁴ Кроме того, основной задачей сакрального искусства было определено воспитание верующих, поэтому художники должны были точно изображать библейские сюжеты²⁵.

Предметный анализ постановления «О призывании, почитании и мощах святых, и о священных образах», сформулированный 3 и 4 декабря 1563 года, ясно показывает, что содержащиеся в нем три пункта: 515, 516 и 517²⁶ были преимущественно направлены против «нового иконоборчества».

Наглядной иллюстрацией этого выступает приводимое ниже соотношение:

Взгляды реформаторов	Постановления собора
Для Лютера сохранение памяти о святых было законно, хотя их призывание	«Пусть они (епископы) учат, что святые, царствующие вместе со Христом,

22 *Ким Е. С.* «Инструкции» Карло Борромео как приложение к декретам Тридентского собора // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2018. №. 29. С. 27–37.

23 Cf.: *Tanner N. P.* Decrees of the Ecumenical Councils. P. 660–799.

24 Христианское вероучение. Догматические тексты учительства Церкви III–XX вв. СПб., 2002. С. 322–323.

25 *Williamson B.* Christian Art... P. 99.

26 Христианское вероучение. Догматические тексты учительства Церкви... С. 322–323.

и заступничество — исключены: «О поклонении святым наши церкви учат, что мы можем хранить память о святых, чтобы следовать примеру их веры и добрых дел <...> писание не учит взывать к святым или искать у них помощи, поскольку оно учреждает для нас одного лишь Христа, как Посредника, Умилостивителя, Первосвященника и Ходатая»²⁷.

Для Кальвина «культ почитания святых, мощей и т. д.» был не чем иным, как дьявольским ухищрением, а поклонение иконам — формой идолопоклонства: «фантазии всякий раз обязательно приводят к абсурдному почитанию идолов»²⁸; «бессмысленно изготавливать богов из мертвой материи»²⁹.

обращают к Богу свои молитвы за людей; что хорошо и полезно смиренно призывать их, чтобы обрести благоволение Бога через Его Сына <...> Те, кто отрицает, что подобает призывать святых <...> или те, кто утверждает, что они не молятся за людей; или что обращаемые к ним просьбы молиться за каждого из нас — это идолопоклонство <...> все они мыслят нечестиво».

«Верные должны также почитать святые мощи мучеников и других святых, живущих со Христом; они были живыми членами Христа и храмом Святого Духа [1 Кор 3:16, 6, 19; 2 Кор 6:16] и будут воскрешены и прославлены Им для вечной жизни. Через них Бог подает многочисленные блага людям. Таким образом, те, кто утверждает, что святым мощам не подобает ни чести, ни поклонения; или что верным не нужно почитать их <...> все они должны быть осуждены, как это уже делала Церковь раньше и делает теперь».

Таким образом, из характера изложения определений видно, что положения собора носят полемическую направленность и продолжают традиционный западный вектор осмысления богословия иконы, направленным против иконоборческих идей Реформации. При этом остался главный вопрос: стало ли это действительно исчерпывающим ответом на актуальные вызовы времени?

Постановления Тридентского собора действительно позволили Римско-католической Церкви укрепить свои позиции в отношении сакрального искусства. Уже то, что в постановлениях собора содержится ясная и лаконичная формулировка относительно сакральных изображений, которые не были предметом обсуждения на предыдущих соборах, позволило не только отдельным религиозным течениям, но и всей Римско-католической Церкви встать на путь осмысления роли искусства в жизни верующего.

27 Книга согласия. Вероисповедание и учение лютеранской церкви / Пер. с нем. К. Комаров. СПб., 2014. С. 28.

28 Кальвин Ж. Наставления в христианской вере. Кн. I–II... С. 101.

29 Там же. С. 96.

Невзирая на попытки деятелей Собора в Тренте выработать консенсусную позицию относительно роли сакрального образа в жизни верующего, радикальные последователи движения Реформации смогли оказать значительное влияние на развитие во многих регионах Европы упадка религиозного искусства: «гуманистическое просвещение, считающее Господа слишком величественным для изображения; верность этого просвещения Библии с ее уважением к буквам запретов Ветхого Завета; его экстатическая персонализация, не терпящая ограничений как для изображения, так и для таинства; протест бедных против богатых в церкви — все вместе это привело сначала к уничтожению изображений, а затем к их более или менее строгому избеганию».³⁰ Ответ на этот вызов был дан деятелями Собора, но не был принят всем европейским обществом.

Положения Триденстского собора позволили зафиксировать конкретную позицию Римско-католической Церкви в отношении протестантского вероучения, что позволило использовать сакральное искусство в полемических целях. Уже в XVII веке в регионах, жители которых остались верны католическому вероучению, религиозное искусство имело особую направленность. В первую очередь храмовое пространство было заполнено картинами и скульптурами барочного стиля с особым вниманием к образам, выражающим учение о Деве Марии, святости и семи Таинствах с особым акцентом идее пресуществления в Таинстве Евхаристии. Католический богослов Й. Ратцингер, осмысляя значение Триденстского собора, заключает, что Собор начал реформу, которая оказала колоссальное влияние на возрождение сакрального искусства в лоне Католической Церкви, однако его постановления «подчеркнули лишь дидактическо-педагогическую основу такого искусства»³¹.

Западный взгляд на сакральное искусство и православное богословие иконы формировались в различном историческом контексте и не имеют явных точек пересечения. При этом слова В. М. Васнецова могут служить консенсусом, отчасти примиряющим положительный и отрицательный взгляды на западное богословие иконы и образа. Художник отмечает, что несмотря на то, что западное осмысление сакрального образа уходит в сторону от христианских и церковных задач, оно все-таки служило почвой для «произведений необычайной

30 Ким Е. С. «Инструкции» Карло Борromeо как приложение к декретам Триденстского собора... С. 27–37.

31 Ратцингер Й. Богословие литургии. М.: Благотворительный фонд имени святителя Григория Богослова, 2017. С. 133.

духовной силы и религиозного подъема, которых не могла бы отвергнуть без колебаний Церковь даже и наша Православная»³². Это же подтверждается почитанием Православной Церковью чудотворной иконы «Богоматери Трех Радостей», удивительно похожей на Сикстинскую Мадонну Рафаэля³³.

Источники

- Luther M. Werke: Kritische Gesamtausgabe.* Weimar, 1883.
- Кальвин Ж. Наставления в христианской вере. Кн. I–II / Пер. с фр. А. Д. Бакулова, введ. и коммент. Г. В. Вдовиной. М., 1997.
- Книга согласия. Вероисповедание и учение лютеранской церкви / Пер. с нем. К. Комаров. СПб.: Фонд «Лютеранское наследие», 2014.
- Христианское вероучение. Догматические тексты учительства Церкви III–XX вв. СПб.: Изд. св. Петра, 2002.

Литература

- Безансон А. Запретный образ. Интеллектуальная история иконоборчества. М.: МИК, 1999.
- Бэрд Ч. Реформация XVI века в ее отношении к новому мышлению и знанию. СПб., 1897.
- Васнецов В. М. Божественный смысл икон // Православная икона. Канон и стиль. М., 1998.
- Воскобойников О. Тысячелетнее царство: очерк христианской культуры Запада. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Ким Е. С. «Инструкции» Карло Борромео, как приложение к декретам Тридентского собора // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2018. № 29. С. 27–37.
- Копцев А. А. Клавдий Туринский и Агобард Лионский в контексте иконоборчества // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. № 2. С. 27–40.
- Копцев А. А. Сравнительный анализ иконоборчества византийского и реформаторского (кальвинизм): диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия. СПб., 2017.
- Осокин Н. А. История альбигойцев и их времени. М.: Изд. «АСТ», 2000.
- Пузырева К. А. Отношение к иконопочитанию Жана Кальвина в «наставлении в христианской вере» // Проблемы истории и культуры средневекового общества. СПб., 2022. С. 207–213.
- 32 Васнецов В. М. Божественный смысл икон // Православная икона. Канон и стиль. М., 1998. С. 134.
- 33 Чистяков Г., свящ. Наследие христианского Запада и православный Восток // «Истина и жизнь». 1995. № 1. С. 17.

- Ратцингер Й.* Богословие литургии. М.: Благотворительный фонд имени святителя Григория Богослова, 2017.
- Рыжов Ю. В.* Философия иконы в традиции Востока и Запада // [Электронный ресурс]. URL: http://www.binetti.ru/studia/ryzhov_2.shtml (дата обращения 18.10.23).
- Стасюк В., свящ.* Карл Великий и Седьмой Вселенский Собор. Каролингские книги. М., 2012.
- Успенский Л. А.* Богословие иконы Православной Церкви. Париж, 1989.
- Чистяков Г., свящ.* Наследие христианского Запада и православный Восток // «Истина и жизнь». 1996. № 1. С. 11–19.
- Belting H.* Likeness and Presence: A History of the Image before the Era of Art. Chicago, 1994.
- Denysenko N.* Icons and the Liturgy, East and West: History, Theology, and Culture. Paris, 2017.
- Kevin Seasoltz R.* A Sense of the Sacred: Theological Foundations of Christian Architecture and Art. N. Y.: Continuum, 2005.
- Melia P.* The origin, persecutions and doctrines of the Waldenses. London, 1870.
- Tanner N. P.* Decrees of the Ecumenical Councils. Washington, DC: Georgetown University Press. 1990. Vol. 2.
- Williamson B.* Christian Art: A Very Short Introduction. N. Y., 2004.